

18. Holec, R. Trianon ako plač nad rozliatym mliekom a Uhorsko ako obeť vojny (Globálne záujmy a vojnové ciele Uhorska) / R. Holec // Zrod nové Evropy. Jindřich Dejmek a kol. — Praha: Historický ústav, 2011. — S. 89—112.
19. Károlyi, M. Hit, illúziók nélkül / M. Károlyi. — Budapest: Magvető, 1977. — 455 o.
20. Kerner, J. Austro-Hungarian war aims in the winter of 1915—1916 as revealed by secret documents / J. Kerner // The J. of International Relations. — Vol. 10, No 4 (Apr. 1920). — P. 444—470.
21. Magyar Országos Levéltár (далее — MOL). K. 27. Miniszterelnökség, Minisztertanácsnak Jegyzőkönyve (далее — MtJkv.). 1915.10.02. — № 31. — O. 43—58.
22. MOL. K. 27. Miniszterelnökség, MtJkv. 1918.03.07. — № 21. — O. 48—56.
23. MOL. K. 27. Miniszterelnökség, MtJkv. 1918.03.11. — № 1. — O. 4.
24. MOL. K. 27. Miniszterelnökség, MtJkv. 1918.10.01. — № 15. — O. 27—28.
25. Magyar történeti szöveggyűjtemény. 1914—1999. K. 1 / szerk. I. Romsics. — Budapest: Osiris, 2000. — 531 o.
26. Romsics, I. A magyar birodalmi gondolat / I. Romsics // Múltról a mának. — Budapest: Osiris, 2004. — O. 121—158.
27. Romsics, I. Trianonská mierová zmluva / I. Romsics. — Bratislava: Kalligram, 2006. — 240 s.
28. Romsics, I. Magyarország története XX. században / I. Romsics. — Budapest: Osiris, 2010. — O. 688.
29. Schmidt, A. L'image de la Pologne en Hongrie au debut du XXe siecle (1914—1921) / A. Schmidt // Bulletin de la Societé d'Histoire Moderne et Contemporaine. — 1996. — № 3—4. — P. 53—56.
30. Uslu, A. «Nous sommes les amis de l'Entente». Le comte Mihály Károlyi dans les années de la Grande Guerre / A. Uslu // Öt kontinens. 2007. — 5 évf. — P. 263—287.

Сальков Анатолий Петрович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

**СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИЙ ЭТНИЧЕСКИЙ СПОР
В ФОРМАТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И ВЕРСАЛЬСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ**

Истоки словацко-венгерского национально-территориального спора, остро проявившегося в первой половине XX в., уходят в глубокую историю, причем — общую историю двух народов. Вся территория

современной Словакии с XI в. входила в состав Венгерского королевства, где находилась до 1918 г. Историческое развитие словаков отличалось полным отсутствием собственной государственности. В составе Венгрии Словакия (в отличие от Хорватии) не являлась территориально-политической автономией. Она состояла из ряда комитатов (жуп) королевства, обычно совокупно называемых Северной (Верхней) Венгрией. При этом следует иметь в виду, что венгерский народ не совпадал в представлениях того времени с венгерской нацией, состоявшей только из дворян и являвшейся носителем политических прав. Термин «венгерский» в данном случае означал не членство в венгерской этнической группе, а принадлежность к привилегированному социальному слою, этнические различия внутри которого не имели значения. В XVI—XVIII вв. под воздействием вторжения османов в Венгрию и ее распада на три части, Реформации и контрреформации, войн за венгерскую корону и пяти антигабсбургских восстаний венгерских сословий, освобождения от османов Среднего Подунавья этническая структура населения во всей Венгрии, но в особенности в Словакии, сильно изменилась. Венгеро-словацкая этно-территориальная контактная зона стала отличаться непомерной шириной и глубиной взаимной диффузией, являясь при этом миграционным полем ряда соседних народов [2, с. 101—104, 150—152, 186—188; 4, с. 68—73; 3].

На протяжении XIX в. словаки как носители этнического сознания прошли путь от этнической народности к современной нации. Словацкое национальное движение решало такие фундаментальные задачи, как проблема литературного языка, исторической традиции, профессиональной разобщенности, принадлежности к славянской группе народов. Вместе с тем даже в начале XX в., отстаивая свою национальную идентичность, словаки выступали не против Венгерского государства, которое рассматривали как свое собственное, а лишь за равноправное положение в нем наряду с другими мадьярскими народами [6, с. 37—38]. Поэтому осмысление своих этнических границ в полиэтничной среде Транслейтании (венгерской части Австро-Венгерской империи, дуализированной в 1867 г.) не было актуальным.

Положение усугублялось политикой жесткой мадьяризации, достигшей своего пика в годы Первой мировой войны. Словацкие политики, выбравшие с началом войны тактику пассивности, только в мае 1918 г. перешли к активным действиям, решая вопрос «пойдем ли мы дальше с мадьярами либо с чехами». Декларация словацкого народа, принятая в Турчанском Св. Мартине 30 октября 1918 г. заявила о разрыве тысячелетнего союза с Венгрией и санкционировала новый

союз с чешским народом [6, с. 80—81, 89—90]. Обстановка осложнялась тем, что новое венгерское правительство на основе заключенного им с Францией 13 ноября Белградского перемирия отказывалось признать выход словацких земель из состава Венгрии (лишь к концу месяца по указке из Парижа венгерская администрация в Словакии была разогнана). В свою очередь, провозглашенная в Прешове (Эперьеше) 16 ноября Словацкая народная республика сделала 11 декабря 1918 г. заявление о желании Восточной Словакии остаться в составе Венгрии. В Западной Словакии в Жилине (Жолне) действовало назначенное Прагой временное правительство по делам Словакии, перебравшееся 31 декабря в Братиславу (так Словакия впервые в своей истории заняла собственную столицу). Чехословацкие войска к концу января 1919 г. повсюду в Словакии оттеснили венгерские части на юг, за демаркационную линию, установленную в декабре 1918 г. Антантой [6, с. 96—98].

На Парижской мирной конференции (январь 1919 — январь 1920 г.), имевшей задачу установить новые границы в Европе, была создана Комиссия по чехословацким делам во главе с французским дипломатом П. Камбоном, а также Подкомиссия по вопросам границ под руководством французского генерала Ле Ронда. После десяти заседаний комиссии и семи — подкомиссии Верховный совет конференции заявил о поддержке в целом территориальных претензий Чехословакии (ЧСР) [5, с. 94, 101]. Особенно трудно для Праги решался вопрос о ее претензиях на Житный остров (Челлокёз) — крупнейший речной остров Европы, образуемый Дунаем, его рукавом Малым Дунаем и устьем Вага. Регион отличался особо благоприятными условиями для хозяйственной деятельности и значительным венгерским населением [7, str. 169—172]. Вопреки ожиданиям министра иностранных дел ЧСР Э. Бенеша, и США, и Великобритания, и Италия считали, что он должен оставаться частью Венгрии. Только французские представители предлагали передать Житный остров ЧСР, но их голос оказался наиболее весомым [8, str. 118].

10 сентября 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Ле были подписаны два мирных договора — с Австрией и Чехословакией. В них содержался отказ Австрии в пользу Чехословакии от прав на ряд территорий бывшей Австро-Венгрии. Однако определение конкретной линии чехословако-венгерской границы (представленной словацко-венгерским участком) вызвало большие затруднения и вышло за рамки конференции. Это объяснялось рядом обстоятельств: противоречивостью позиции Праги, которая аргументировала чешские границы историческим правом,

а словацкие — естественным; прохождением границы по территории со смешанным населением; восприятием великими державами Чехословакии как союзного, а Венгрии — как враждебного государства (к тому же имевшего грех большевизма — Венгерскую советскую республику 1919 г.) [6, с. 100—103]. ЧСР в итоге удалось добиться почти всех своих требований за исключением Бургенландского коридора, принадлежавшего ранее Венгерскому королевству, и земель лужицких сербов.

По Трианонскому мирному договору с Венгрией, заключенному 4 июня 1920 г., Чехословакия получила (как было принято считать в НКВД СССР) 18,9 % территории «исторической Венгрии» (61, 5 тыс. км² словацких и закарпатских земель) и 16,8 % ее населения (3520 тыс. чел.). Договор впервые официально вычленил Словакию и Подкарпатскую Русь из состава Венгрии и определил их границы [1, л. 30, 38]. Новейшие уточненные данные говорят о получении Чехословакией 61 633 км² с населением 3 517 568 чел. (из которых 30,3 % являлись венграми), что составляло соответственно 21,8 и 19,3 % территории и населения «исторической Венгрии» [8, str. 220].

Важно отметить, что при определении государственных границ Чехословакии было допущено пренебрежение этническими принципами и проигнорированы реально сложившиеся вековые этнические границы. При этом на словах весь версальский передел политической карты Европы осуществлялся именно под лозунгом установления этнической справедливости. Так, на землях, отошедших к Чехословакии, по австро-венгерской переписи 1910 г. насчитывалось 1418 тыс. венгров. Однако по чехословацкой переписи 1921 г. в границах нового государства их осталось 745,4 тыс. (5,6 % населения всей страны), по переписи 1930 г. — 597,0 тыс. чел. (4,2 %). Будапешт же в межвоенный период, как правило, говорил о мадьярской общине численностью около 1 млн чел. Венгры почти целиком проживали в Словакии и Подкарпатской Руси, где их доля в общей массе населения была в несколько раз выше. По чехословацкой переписи 1930 г. 17,8 % жителей Словакии признавали себя венграми. (Говорить о точном количестве венгерского населения в этих двух регионах затруднительно, так как и Словакия, и Подкарпатская Русь в первые четыре десятилетия XX в. стали ареной самоидентификации словаков и русинов, а также проведения нескольких разнонаправленных ассимиляционных кампаний [2, с. 301—302; 6, с. 103].) Все эти обстоятельства были в числе предпосылок выраженного венгерского ревизионизма и реваншистской внешней политики Будапешта, направленной в межвоенный период в том числе и против Чехословакии.

Библиографический список

1. Материалы по вопросам внутриполитического положения Венгрии и ее внешней политики // Архив внешней политики РФ. — Фонд 077 (Референтура по Венгрии). — Оп. 21. — П. 111. — Д. 1.
2. История Словакии / Е. Маннова (отв. ред.). — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. — 418 с.
3. Контлер, Л. История Венгрии: Тысяча лет в центре Европы / Л. Контлер. — М.: Весь мир, 2002. — 527 с.
4. Краткая история Венгрии: с древнейших времен до наших дней / Т.М. Исламов (отв. ред.). — М.: Наука, 1991. — 608 с.
5. Серапионова, Е.П. Чехословацкий вопрос на Парижской мирной конференции / Е.П. Серапионова // Восточная Европа после Версаля. — СПб.: Алетейя, 2007. — С. 90—108.
6. Чехия и Словакия в XX веке: очерк истории: в 2 кн. / В.В. Марьина (отв. ред.). — М.: Наука, 2005. — Кн. 1. — 453 с.
7. Liszka, J. *Národopis Maďarov na Slovensku*. — Komárno; Dunajská Streda: Fórum inštitút pre výskum menšín: Vidavateľstvo Liliium Aurum, 2003. — 495 s. (Interethnica 5).
8. Romsics, I. *Trianonská mierová zmluva* / I. Romsics. — Bratislava: Kalligram, 2006. — 236 s.

Шарков Анатолий Васильевич

Академия МВД Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СОВЕРШЁННЫЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

В практике международных конфликтов вопрос об ответственности за нарушение законов и обычаев войны до начала Второй мировой войны возникал не раз. В частности, эти признаки вполне усматриваются в разрешении судьбы Наполеона Бонапарта, когда тот после известных «100 дней» отрекся от престола. Однако вместо предания его английскому суду, как это первоначально предполагалось, Венским конгрессом было определено, что как «враг и нарушитель спокойствия мира» Наполеон сам навлек на себя «общественное возмездие». На основании этого в августе 1815 г. между Великобританией, Австрией, Пруссией и Россией было заключено соглашение, объявившее его